

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОГЛАШЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается правовой статус соглашения о международной подсудности и некоторые аспекты этого соглашения. Анализируются форма и содержание соглашения о международной подсудности.

Как показывает практика, соглашения, изменяющие подсудность дел с участием иностранных лиц, не столь уж редки. Однако действующее процессуальное законодательство – АПК РФ и ГПК РФ – крайне скупо в отношении этих соглашений и, по сути, лишь закрепляет возможность их заключения сторонами. Рассмотрению некоторых аспектов таких соглашений посвящена настоящая статья.

Понятие «компетентный суд» в узком и широком смысле

Понятие «*компетентный суд*» в *широком смысле* используется тогда, когда говорят о суде, обладающем компетенцией на разрешение определенных законом категорий юридических дел [1, с. 19-29].

Согласно п. 1 ст. 11 ГК РФ судами, уполномоченными осуществлять защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав, то есть *компетентными рассматривать гражданско-правовые споры*, являются: (1) суды общей юрисдикции; (2) арбитражные суды; (3) третейские суды. Разграничение компетенции между этими судами по смыслу того же пункта ст. 11 ГК РФ осуществляется в соответствии с правилами подведомственности дел, установленными процессуальным законодательством.

На сегодняшний день арбитражные суды в силу ч. 1 ст. 7 АПК РФ являются компетентными судами в отношении *экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности*. Согласно ч. 3 ст. 22 ГПК РФ суды общей юрисдикции компетентны *рассматривать дела, предусмотренные чч. 1 и 2 этой же статьи, за исключением дел, отнесенных к ведению арбитражных судов*.

К компетенции третейских судов отнесены (за определенными изъятиями) все те же гражданско-правовые споры, подведомственные государственным судам – судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Иными словами, третейские суды являются компетентными судами в отношении *всех гражданско-правовых дел, подведомственных государственным судам*, за исключением некоторых дел, которые не могут рассматриваться третейским судом.

Таким образом, разграничение компетенции **между государственными судами** (между судами общей юрисдикции и арбитражными судами) основывается на общих правилах подведомственности и осуществляется только на основании норм федерального законодательства. Недопустимо изменение подведомственности дела соглашением сторон (например, путем заключения спорящими сторонами договора о рассмотрении их дела судом общей юрисдикции в условиях, когда это дело отнесено законом к компетенции арбитражного суда).

В то же время разграничение компетенции **между государственным и третейским судом** осуществляется по правилам *альтернативной подведомственности* (третейское разбирательство, как известно, является альтернативой государственному судопроизводству). Для передачи конкретного гражданско-правового спора на рассмотрение третейского суда стороны заключают *третейское (арбитражное) соглашение*. И если на момент начала третейского разбирательства такое соглашение действительно не утратило силу и может быть исполнено, а за самим спором усматривается свойство арбитрабельности (то есть закон допускает передачу такого спора на разрешение третейского суда, а сам спор включен в объем третейского соглашения), это позволяет говорить о *наличии у третейского суда компетенции по разрешению этого спора вместо государственного суда*.

Важно отметить, что компетенция государственных судов и третейских судов *не является конкурирующей компетенцией*. То есть по общему правилу нельзя за рассмотрением дела сначала обратиться в третейский суд, а в случае неудовлетворенности исходом дела

(решением третейского суда) – в государственный суд с требованием о разрешении того же спора (исключением из этого правила являются, в частности, доменные споры [2, с. 224-245; 3, с. 495-502]). Иными словами, избрав посредством заключения третейского соглашения третейский суд в качестве органа разрешения дела по существу, стороны добровольно отказываются от права на рассмотрение и разрешение дела по существу *государственным судом*. Отказ от права на разрешение спора государственным судом вовсе не является отказом вообще от судебной защиты, как иногда указывается в литературе: в силу п. 1 ст. 11 ГК РФ *третейский суд прямо отнесен к судебным органам, уполномоченным государством на рассмотрение и разрешение гражданско-правовых дел*, то есть третейские суды представляют собой *негосударственные суды*, осуществляющие судебную защиту нарушенных или оспоренных прав и охраняемых законом интересов в рамках предоставленной им компетенции. Выбор в пользу третейского разбирательства в качестве альтернативы государственному правосудию соответствует ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Такой подход в полной мере согласуется и с практикой Европейского Суда по правам человека, который в прецедентном деле «Литгоу и другие против Соединенного Королевства» (*Lithgow and Others v. The United Kingdom*, жалобы № 9006/80; 9262/81; 9263/81; 9265/81; 9266/81; 9313/81; 9405/81) отмечал, что под понятием «суд» нельзя понимать только «суд, входящий в государственную судебную систему». ЕСПЧ подчеркнул, что понятием «суд» охватываются также органы, хотя и не входящие в государственную судебную систему, но независимые от спорящих сторон и исполнительной власти, созданные на основании закона для разрешения определенных вопросов и осуществляющие свои полномочия в соответствии с процедурой, предоставляющей гарантию законности. Кроме того, ранее Европейская Комиссия по правам человека в решении по делу «Акселссон и другие против Швеции» (*Axelsson and Others v. Sweden*, жалоба № 11960/86) отметила, что, избирая третейский суд, заявитель

тем самым отказывается от права на судебное разбирательство в *государственном* суде, что не противоречит ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, Комиссия по правам человека, по сути, подтвердила, что *право на справедливый суд*, гарантированное ст. 6 Конвенции, будет соблюдено и в том случае, если спор между сторонами рассматривался негосударственным судебным органом.

Не допуская заключение соглашений, меняющих **подведомственность** дел государственным судам¹, действующее процессуальное законодательство прямо разрешает соглашения, изменяющие **подсудность** дел, то есть позволяющие сторонам договариваться о том, какой конкретно *государственный суд* (в подсистеме судов общей юрисдикции или арбитражных судов) компетентен рассматривать возникший между ними спор. Так, ст. 37 АПК РФ закрепляет правило о допустимости изменения соглашением сторон подсудности дела, установленной ст. 35 и 36 АПК РФ, а ст. 32 ГПК РФ – правило о допустимости изменения территориальной подсудности дела (за исключением подсудности, установленной ст. 26, 27 и 30 ГПК РФ).

Также отечественные процессуальные Кодексы содержат специальные статьи, предусматривающие допустимость изменения *соглашением сторон* установленной российским законодательством **международной подсудности**.

Применительно к таким соглашениям Н. Марышева указывает: «Соглашением можно отнести дело, подсудное российскому суду, к подсудности иностранного суда или договориться о рассмотрении российским судом дела, не относящегося к компетенции российских

¹ Надо отметить, что в условиях слияния систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов в *единую судебную систему* возникает вопрос о правильности использования категории «подведомственность» при разграничении подлежащих рассмотрению дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Для случаев разграничения компетенции судов в рамках одной судебной системы в отечественном праве традиционно используется категория «подсудность», которая рассматривается как производная от понятия «подведомственность». Вместе с тем с учетом не реализованной пока идеи объединения ГПК РФ и АПК РФ, вероятно, рано отказываться от использования термина «подведомственность», тем более что отказ от применения института подведомственности способен породить значительное число новых вопросов.

судов. Первый случай именуется дерогацией, второй – пророгацией» [4, с. 465].

Аналогичным образом раскрывает сущность соглашения и Н. Елисеев: «Соглашение о международной подсудности представляет собой договоренность, посредством которой стороны изменяют подсудность дела таким образом, что суд в каком-либо государстве приобретает компетенцию его рассмотреть и вынести по нему решение (такой суд именуется *forum prorogatum*) и (или) суд другого государства утрачивает право на его рассмотрение и разрешение (*forum derogatum*)» [5, с. 54].

В процессуальном законодательстве допустимость таких соглашений сформулирована следующим образом. В ч. 1 ст. 404 ГПК РФ предусмотрено: «По делу с участием иностранного лица стороны вправе договориться об изменении подсудности дела (пророгационное соглашение) до принятия его судом к своему производству». Частью 2 этой же статьи закреплен запрет на договорное изменение подсудности, установленной ст. 26, 27, 30 ГПК РФ, а также ст. 403 Кодекса, в которой определена исключительная подсудность дел с участием иностранных лиц.

В свою очередь и в АПК РФ указано на возможность заключения такого соглашения в тех случаях, когда одна из сторон спора – иностранное лицо. Соответствующее правило содержится в ч. 1 ст. 249 «Соглашение об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации»: «1. В случае, если стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, заключили соглашение, в котором определили, что арбитражный суд в Российской Федерации обладает компетенцией по рассмотрению возникшего или могущего возникнуть спора, связанного с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, арбитражный суд в Российской Федерации будет обладать исключительной компетенцией по рассмотрению данного спора при условии, что такое соглашение не изменяет исключительную компетенцию иностранного суда». При этом в ч. 2

данной статьи установлено обязательное требование к соглашению об определении компетенции арбитражных судов (соглашению о международной подсудности): оно должно быть заключено в письменной форме.

Исходя из изложенного, нужно сделать два значимых в целях настоящей работы замечания.

Во-первых, с учетом вывода о том, что соглашения о подсудности, международной подсудности, третейские соглашения служат одним из оснований установления компетенции суда на рассмотрение конкретного спора, можно заключить: в узком смысле под понятием «компетентный суд» следует понимать *суд, который в силу закона или соглашения сторон обладает компетенцией на разрешение переданного на его рассмотрение конкретного спора* (далее понятие «компетентный суд» будет использоваться в узком его значении).

Во-вторых, нельзя не замечать, что соглашение о международной подсудности в российском процессуальном законодательстве именуется по-разному: в ст. 404 ГПК РФ – как соглашение об изменении подсудности дела (пророгационное соглашение), в ст. 249 АПК РФ – как соглашение об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации. При этом соглашения, допускаемые ст. 249 АПК РФ, в абз. 2 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – постановление № 23) обозначаются как «пророгационные». Учитывая, что в отечественной литературе используются и иные выражения для обозначения данного соглашения далее в целях унификации и упрощения будем обозначать его как соглашение о международной подсудности.

Свойства и форма соглашения о международной подсудности

Бесспорно очевидное отличие третейского (арбитражного) соглашения, в соответствии с которым компетенцией по разрешению

конкретного гражданско-правового спора наделяется *негосударственный* суд, от соглашения о подсудности и международной подсудности, на основании которого компетенция на рассмотрение конкретного спора переходит от одного суда к другому, при том что дело остается в юрисдикции *государственных судебных органов*. Исходя из этого, ряд ученых традиционно указывают на различие правовой природы названных соглашений [6, с. 649; 7, с. 311], что не является непреложным [8, с. 332; 9, с. 184-208], но не будет здесь разбираться как выходящее за рамки настоящей работы. Различия между упомянутыми соглашениями ощущаются и в объеме регламентирующих норм: соглашения о подсудности и международной подсудности, по сути, лишь упоминаются в законе, тогда как третейское соглашение – его понятие, форма, содержание и даже толкование – достаточно подробно урегулировано специальным законодательством (см. ст. 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»).

Вместе с тем, как и третейское соглашение, соглашение о подсудности или международной подсудности в целом создают аналогичный юрисдикционный эффект: один суд лишается компетенции на рассмотрение конкретного гражданско-правового спора, тогда как другой суд становится компетентным². Иными словами, все названные соглашения характеризуются общей нацеленностью – *они уточняют юрисдикционную форму защиты прав, устанавливая конкретный суд (соответственно негосударственный или государственный), который будет компетентен разрешать уже возникший или будущий спор между сторонами основного (гражданско-правового) контракта.*

Эта нацеленность позволяет усматривать за соглашением о международной подсудности то же свойство, что традиционно признается за третейским соглашением, – **независимость (автономность) от основного контракта, связывающего стороны** [11, с. 24, 143; 12, с. 132]. Доктринально разработанная позиция об

² Схожую позицию высказывает, например, Р. Ходыкин [10].

автономности соглашения о международной подсудности нашла прямое подтверждение в п. 10 постановления № 23.

Раскрывая существо этого свойства (правда, применительно к третейскому соглашению), О. Скворцов подчеркивает: «...оно (соглашение. – *M. P.*), хотя и заключается с целью обеспечения защиты прав участников основного материально-правового договора и, как правило, «сопровождает» такой материально-правовой договор, вместе с тем независимо от такого договора... Автономность материально-правового соглашения от третейского соглашения будет проявляться в том, что те действия, которые направлены на рассмотрение спора в третейском суде, не зависят от действий, которые направлены на исполнение по сделке» [5, с. 235, 237].

Со свойством независимости (автономности) соглашений о международной подсудности тесно связан и принцип свободы **формы таких соглашений**, подразумевающий «допустимость любого варианта фиксации договоренности сторон, если специальное регулирование не устанавливает иного» [11, с. 143].

Отечественные процессуальные Кодексы по-разному подходят к решению вопроса о форме соглашения о международной подсудности.

Так, ГПК РФ допускает любой вариант фиксации договоренности сторон в отношении компетентного суда: по смыслу ст. 404 соглашение о международной подсудности не исключает возможности его заключения и в устной, и в письменной форме.

В то же время ч. 2 ст. 249 АПК РФ императивно устанавливает письменную форму такого соглашения. С учетом этого Верховный Суд РФ в п. 6 постановления № 23 констатировал, что письменная форма считается соблюденной, если соглашение: оформлено в виде *отдельного соглашения либо оговорки (то есть излагается в тексте основного связывающего стороны контракта), либо достигнуто посредством обмена письмами и иными документами, в том числе электронными, либо совершено путем обмена процессуальными документами (исковым заявлением и отзывом на него), либо содержится в ином документе, на который есть ссылка в договоре.*

Оценка соглашения о международной подсудности предусматривает исследование судом этого соглашения на предмет того, что оно:

(1) **действительно** (то есть соответствует условиям действительности соглашений, сформулированным в ст. 249 АПК РФ или ст. 404 ГПК РФ: сторонами соблюдены правила об исключительной подсудности дел с участием иностранных лиц (см. п. 7 постановления № 23), о форме соглашения и проч.);

(2) **имеет силу** (например, ч. 1 ст. 404 ГПК РФ допускает заключение такого соглашения только до момента принятия судом дела к производству, что лишает юридической силы соглашения, заключенные после этого момента; здесь же следует заметить, что ст. 249 АПК РФ подобных границ не устанавливает);

(3) **исполнимо** (то есть *обладает пророгационным эффектом* – определенно и безусловно наделяет конкретный суд компетенцией в отношении конкретного спора между сторонами).

Только при положительном ответе на *все* эти вопросы суд может сделать вывод о наличии у него компетенции на рассмотрение спора и переходить к разрешению дела по существу.

По смыслу абз. 4 п. 8 постановления № 23 *исполнимость соглашения о международной подсудности* требует установления *истинного намерения (действительной воли) сторон в отношении компетенции арбитражного суда Российской Федерации*. Причем при оценке **исполнимости соглашения о международной подсудности** суду надлежит проверить это соглашение на предмет *определенности*: во-первых, *суда, наделяемого соглашением компетенцией*; во-вторых, *объема споров, подсудность которых изменяется соглашением*. Оба названных аспекта одинаково важны: «соглашение о международной подсудности считается достигнутым, когда стороны достигли согласия относительно определенного суда, а также категории споров, передаваемых на рассмотрение данному суду» [12, с. 139].

Первый аспект – **определенности суда**, наделенного сторонами компетенцией рассматривать споры между ними, предполагает

наличие в соглашении *четкого и ясного указания государственного суда, которому передается дело на рассмотрение*. Верховный Суд РФ разъясняет, что допустимо не только прямое указание конкретного арбитражного суда. В частности, в п. 8 постановления № 23 специально поясняется: если воля сторон была нацелена на изменение международной подсудности, но отсутствует четкое обозначение компетентного арбитражного суда, такой суд может быть определен с помощью норм § 1 и 2 главы 4 АПК РФ, а если они не позволяют определить внутригосударственную подсудность, спор подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Московской области.

Второй аспект – **определенности споров** – касается *круга потенциальных или уже возникших споров, которые стороны передают на рассмотрение указанного государственного суда*. Раскрывая содержание указанного аспекта, Н. Елисеев подчеркивает: «Стороны при заключении соглашения должны иметь представление о том, какие именно споры они относят к ведению конкретного суда. Они не могут исключить установленную законом подсудность для необозримых видов и числа дел» [5, с. 140].

Обращает на себя внимание то, что, давая определение соглашения о международной подсудности (пророгационного соглашения) в п. 6 постановления № 23, Верховный Суд РФ специально подчеркнул, что оно допустимо в отношении всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо **конкретным правоотношением**, независимо от того, носит это правоотношение договорный характер или нет. Сказанное позволяет сделать вывод: стороны не могут заключать соглашение в отношении «всех исков из всех договоров между ними».

Исходя из этих разъяснений Верховного Суда РФ можно заключить, что стороны могут изменить международную подсудность:

- *конкретного спора; либо*
- *споров, возникающих из конкретного договора; либо*

– споров, возникающих из иного *конкретного правоотношения* (например, деликтного).

Следовательно, запрещены пророгационные соглашения, в силу которых стороны относят к компетенции определенного суда все возможные между ними споры.

Верховный Суд РФ с целью раскрыть, что следует понимать под «спором, возникающим из договора или в связи с ним», подчеркивает, что такие споры (если иное прямо не следует из самого соглашения о международной подсудности) могут возникать:

- из любых действий сторон, направленных на исполнение, изменение или расторжение этого договора (абз. 3 п. 10 постановления № 23);
- в связи с заключением этого договора, его вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным (абз. 4 п. 10 постановления № 23).

В завершение этой части статьи следует подчеркнуть, что, несмотря на обозначенную специфику соглашения о международной подсудности, а также упоминаемые споры в отношении его правовой природы, признается, что на это соглашение «распространяются общие положения договорного права о толковании соглашений, а также о совпадении воли сторон» [12, с. 127]. То есть при толковании соглашения о международной подсудности применимы правила ст. 431 ГК РФ о толковании договора.

О последствиях неправильного определения компетентного суда

Разрешение вопроса о том, является ли суд компетентным рассматривать конкретное переданное на его рассмотрение дело, относится к числу основополагающих для судебного процесса в целом

– неправильное разрешение этого вопроса влечет за собой лишение сторон *права на справедливый суд*. Эта позиция находит подтверждение в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ.

Одним из аспектов права на справедливый суд, гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, является рассмотрение дела «судом, созданным на основании закона» [13; 14, с. 180-229]. Суть его состоит в том, что *судебный орган, на рассмотрение которого передано дело заявителя, должен быть учрежден в соответствии с законом, действовать на основании закона и в силу закона обладать компетенцией на рассмотрение переданного ему дела*. Соблюдение судом обозначенных требований исключает вероятность лишения лица права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к компетенции которых оно отнесено законом.

С учетом этого ЕСПЧ при исследовании вопроса о том, было ли в конкретном судебном процессе соблюдено право заявителя на суд, исходит из позиции, что нарушения правил подсудности являются *существенными (фундаментальными) нарушениями*. На это прямо указано в постановлении по делу «Пшеничный против России»: «предшествующие судебные разбирательства были запятнаны допущенными фундаментальными дефектами, такими как, в частности, ошибка подсудности, существенные процессуальные нарушения или злоупотребление властью» [постановление от 14.02.2008 по делу «Пшеничный против России» (*Pshenichnyu v. Russia*, жалоба № 30422/03)].

Названный аспект права на справедливый суд, по сути, воспроизведен в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, устанавливающей: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Раскрывая содержание права, гарантированного этой частью названной статьи Конституции РФ, Конституционный Суд РФ подчеркивает: «Данное конституционное право – право на законный суд – является необходимой составляющей закрепленного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на судебную защиту и одновременно – гарантией независимости и

беспристрастности суда. Этим конституционным предписаниям корреспондируют положения международных договоров Российской Федерации, прежде всего Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывающие государства обеспечивать каждому защиту его прав путем справедливого разбирательства дела независимым, беспристрастным и созданным на основании закона компетентным, т. е. обладающим соответствующими полномочиями по рассмотрению конкретного дела в силу установленных законом правил подведомственности и подсудности, судом.

Подсудность дел, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, предполагает установление законом разграничения как предметной компетенции, в том числе между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, так и в рамках каждого вида юрисдикции – для определения конкретного суда, уполномоченного рассматривать данное дело... несоблюдение установленной федеральным законодателем подсудности дел нарушает конституционное предписание о законном суде, а через это – и само право на судебную защиту; рассмотрение дела вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, по смыслу статей 46 и 47 Конституции Российской Федерации, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы (постановление от 16 марта 1998 года № 9-П, определения от 11 июля 2006 года № 262-О и от 15 января 2009 года № 144-О-П).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающие содержание конституционного права на законный суд, относятся к определению и компетентного суда, и характера судебной инстанции, и подлежащей применению процедуры пересмотра судебного акта, которые устанавливаются законом и не могут быть произвольно изменены решением правоприменительного органа» (постановление от 21.01.2010 № 1-П).

Кроме того, КС РФ в одном из своих определений обозначил последствия нарушения судом правил подсудности: «Несмотря на то что в приведенных положениях Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не содержится прямого указания на несоблюдение правил подсудности как на основание для отмены судебного акта в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может быть признано правильным, поскольку оно – вопреки статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающей ограничение этого права ни при каких обстоятельствах, – принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела, что, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 3 июля 2007 года № 623-О-П, является существенным (фундаментальным) нарушением, влияющим на исход дела и искажающим саму суть правосудия.

Разрешение дела с нарушением правил подсудности не отвечает и требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, не является – по смыслу статей 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права – законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия» (определение от 15.01.2009 № 144-О-П).

Вследствие сказанного можно сделать вывод о значимости правильного разрешения судом вопроса о собственной компетенции – неправильное решение способно привести к лишению стороны права на справедливый суд.

М. РОЖКОВА,

эксперт РАН, президент IP CLUB,

*профессор Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук*

Библиографический список

1. Рожкова М. А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. 2006. № 1.
2. Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Доменные споры: избранные аспекты // Право в сфере Интернета: сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2018.
3. Руйе Н. Споры о доменных именах: выбор между частными процедурами (UDRP и прочими) и разбирательствами перед государственными судами // Право в сфере Интернета: сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2018.
4. Международное частное право: учебник для вузов / Под ред. Н. И. Марышевой. – М.: Юрид. фирма «Контракт»: Инфра-М, 2000.
5. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М. А. Рожковой. – М.: Статут, 2008.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Проспект, 2003.
7. Лебедев С. Н. Международный торговый арбитраж. – М.: Международные отношения, 1965.
8. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М.: Статут, 2009.
9. Рожкова М. А. Теория процессуального договора в соотношении с концепцией сделок, направленных на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6 / Под ред. В. В. Яркова. – СПб., 2008.

10. Ходыкин Р. М. Пророгационные условия внешнеэкономических сделок // Вестник ВАС РФ. 2002. № 6.
11. Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. – М.: Статут, 2015.
12. Елисеев Н. Г., Вершинина Е. В., Костин А. А. Коллизионное регулирование соглашений о международной подсудности // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2.
13. Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека: науч. изд. – М.: Развитие правовых систем, 2017.
14. Рожкова М. А., Глазкова М. Е. Аспекты права на суд: новейшие тенденции // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / Russian Yearbook on the European Convention on Human Rights. № 1 (2015): Европейская Конвенция: новые «старые» права. – М.: Статут, 2015.